

Начальник политотдела 70-го укрепрайона Ростовского оборонительного рубежа старший батальонный комиссар Николай Васильевич Кошкин лежал на пригорке, широко раскинув руки, и смотрел в ночное звездное небо. Ночь была теплой и ласковой, июльские звезды, как котята, клубочками медленно катились по войлоку близких небес, иногда звездочка срывалась и, беззвучно мякнув, падала за горизонт. Мягкие звуки наполняли воздух: текла река Тузлов, храпели кони, урчали вдалеке моторы, иногда принимался вышивать пулемет: та-та-та-та-та, потом взмывала в небо осветительная ракета, и стрельба затихала. Можно было представить себе, что это не пулемет, а молотилка, рычаг моторы не танков, а тракторов и комбайнов. Вокруг были колхозы, совхозы, элеваторы, конюшни, села, хутора, пахота и кочковатые пастбища для скота. Но Кошкин знал, что война.

Воевать Кошкину было легко. Смерти он не боялся. А семьи у него не было. Ни жены, ни детей. Была сестра, но у той свой муж, есть о ком печалиться. Родители оба умерли. Николай Васильевич думал о смерти, что она просто перенесет его в какое-то другое место. Каждую ночь он видел во сне покойных отца и мать. И всякий раз за то дневное время, когда Кошкин занимался дневными делами, в мире отца и матери что-то менялось, что-то происходило. Даже и без него. Поэтому Кошкин думал, что

у родителей за смертью есть своя отдельная жизнь и что, может быть, и он туда попадет.

Старший батальонный комиссар отчего-то знал, что назавтра его ждет самый страшный бой его жизни, но знал и то, что сам он опять уцелеет. Многие рядом умрут, а он нет. Не пришло время. Кошкин верил, что перед смертью он получит знамение. Он не знал, что это будет. Но понимал, что распознает, когда увидит. Может, это будет сон. Может, во сне он увидит свою комнату в большом родительском доме, комната будет прибрана, кровать застелена свежим бельем, а на столике у кровати большая эмалированная кружка с водой: значит, ждут. Недавно он видел во сне свою комнату, в ней были свалены старые игрушки, поломанная мебель и прочий хлам. Он тогда поругался на батю: чего вы в моей комнате помойку-то развели? Отец махнул рукой и говорит: ты еще не скоро вернешься.

Кошкин подумал, что надо бы уснуть и посмотреть новый сон, вдруг в нем будут знаки о судьбе? Но сон не шел. Думалось о работе.

Николай Васильевич не был тем карикатурным политруком, которого изображает беллетристика. Он не мешал командиру командовать, а бойцам воевать, не докучал проповедями и читкой вслух газеты «Красная Звезда», если только его не просили. Кошкин понимал, что боевой дух солдата зависит не от пустопорожней болтовни агитатора,

а от того, дыряв ли сапог, горяч ли обед, есть ли патроны к винтовке, не заели ли вши и растоплена ли баня. Не потому, что солдат животное и скот, а потому, что к самой высокой душе придано в усиление мясное тело, как тягло для зенитной пушки, нацеленной в небо, и без тягла не выйдет душа на позицию для стрельбы, а ускользнет звездочкой, падающей наоборот, только ее и видели.

Поэтому Кошкин занимался хозяйством, хитро-жопых тыловиков гонял, страшал особым отделом, сам считал, проверял, доставал, а завхозы у него по струнке ходили. Даже финчасть трепетала. Ведь шпалы комиссара давали Кошкину пропуск и туда, куда военный командир вроде бы и не должен соваться. Потому что идейное руководство партии – не хухры-мухры. И еще помогал командиру в составлении бумаг и закрывал отчетность своим политдонесением. Командир за Кошкиным был как мужняя жена со всех сторон защищенный.

Командиром у Кошкина, комендантом УР-70 был подполковник Николай Осипович Павловский. Большой стратег. Командовал 55-м УР в тылу, в Ленинкане, до того преподавал строевую часть в военном училище, а воевал с 16 лет в Гражданской. Но в этой войне порошу еще не понюхал. А Кошкин на фронте с зимы 1941-го.

Так вот, зима. Ставят батальон на позицию. Позиция в голой степи. Батальон весь день окапывается. Приходит ночь. А где спать? Как спать? Южная зима не морозная, но снег-то лежит, и когда согреться негде, то дрожь пробирает до самой кости. А после земляных работ белье мокрое, оно на теле застывает. Сходи поночуй зимой в степи! Костер зажигать, согреться-обсушиться нельзя, маскировку нарушает, ночной самолет-разведчик координаты занесет, жди поутру «юнкерсы» с подарками. Нужен блиндаж. В блиндаже теплее и можно даже чутка подтопить невидимо. Но для блиндажа не только яма в земле нужна, а и накат из бревен на крышу, а где бревна взять, когда кругом степь? За одну ночь получаем в батальоне сто заболевших. У кого простуда, а у кого и воспаление легких.

Немцы в той же степи стоят и так же мерзнут. У них, правда, есть какие-то палатки, пиломатериал они с собой подвезли, да и костры жгут – не бояться. Небо под ними. Но все равно комфорт недостаточный. Значит, нужен хоть какой-то хутор, чтобы зацепиться и отдохнуть. Говорят, всякое бывало. Говорят, вечером сражались за хутор остервенело наши с немцами, потому что вопрос стоял: кому ночевать в хибарах, а кому на голой земле? Тут главное было сами хибары минометами в труху

не снести. А еще брешут, что договаривались. День мы, день вы, одна ночь наша, другая ваша. Подразделение, стреляя мимо из всех видов вооружений, с громким криком «ура!» занимает хутор, немцы бегут. Спим, в баньке моемся. На следующий день немцы идут в контратаку, аккуратно долбят по воздуху рядом с домами и сарайками, мы в тяжелом бою отступаем. Но назавтра, собравшись с силами, отбиваем населенный пункт.

Потом краеведы памятник поставят и напишут, что хутор Заречный восемнадцать раз переходил из рук в руки, такие тяжелые были бои. Но банька дяди Афанасия, однако, чудом уцелела.

Всякие анекдоты рассказывают. Кошкин в историях не участвовал, а если участвовал, то молчал, потому что по закону и уставу войны это братание с неприятелем, за что полагается расстрел.

Летом хорошо. В УР-70 3274 человека, из них состав 379, младших командиров и рядовых 2895, а спать всех устроили. Человек 300 бодрствуют в дозорах и на дежурстве, а остальные кто где спят. Есть блиндажи, есть доты и дзоты, есть хутора, есть целый город Новочеркасск, есть помещения совхозов и колхозов, но многие, как и сам Кошкин, выползли на лунные пляжи позагорать. В тесном душном блиндаже еще насидимся. Главное ведь тут что? Комары. А комаров не было. Непонятно. То ли все комариное войско обрушилось на переправы через Дон, где невероятное количество коров и прочей животины толкалось на берегах или уплывало, сносимое по течению вниз, то ли еще какой-то произошел парадокс, но тонкий звон кровососущих насекомых не стоял над ночными батальонами, и люди спали в садах, положив под головы вещмешки. Ночь была такая счастливая. Последняя ночь.

Громко стрекотали кузнечики. Ухала ночная птица. Послышался мягкий шаг. Кто-то спросил негромко:

– Товарищ старший батальонный комиссар?

Кошкин узнал: коновод Грушевицкий. Любимчик.

– Чего тебе? Почему не спишь?

– Так ведь вы тоже не спите.

Кошкин заворчал:

– Я начальник. Мне положено. Я за вас всех думаю, за идиотов. Чего хотел?

– Ваше поручение выполнено. Доложиться только не успел.

– Добро. Иди спать.

– Можно я тут рядом с вами прилягу?

– Ну, приляг. Земля не моя, колхозная.

Коновод завозился, устраиваясь на почтительном расстоянии от начальника политотдела укрепрайона.

Кроме людей, у Кошкина были лошади: 518 в пяти батальонах. Потому что 39 пушек калибра 76 миллиметров и 41 пушка калибра 45 миллиметров на руках не утаишь. А еще минометы, мины, снаряды, гранаты, патроны, кухни, медчасть. Ездовые штабных и связных. Большое конское хозяйство. А Грушевицкий был лучший коновод, Кошкин его к себе приблизил и через него управлял гужевым транспортом. Автомобилей же было всего семь. Это для штаба игрушки. Кошкин особого внимания на автомобили не обращал.

Николай Васильевич любил лошадей. Хотя верхом ездить не умел толком. Отец сокрушался: какой же ты казак? Одно недоразумение. Кошкин предпочитал на бричке. Но с лошадьми разговаривал, гладил, кормил кусочками сахара. Имел в кармане всегда специально для лошадей и не смешивал с табаком, который держал строго в другом кармане. Комиссар заботился о лошадях не менее чем о людях. Некормленный солдат как-то подсуется, а если лошадь привязать, то как она сама найдет себе корм и воду? Особенно же при бомбардировках. Человек прячется в окоп или щель, а куда лошадь спрячется?

В последние два дня были налеты, и лошади пострадали. Кошкин пытался вывести лошадей в тыл, но где тот тыл? Прятал в лощинах, у поселков, в кущах низкорослых садах, а бомбы достали, посекали многих лошадей осколками. Николай Васильевич призвал к себе Грушевицкого и наказал разобраться с потерями в конском составе. Убитых прикопать, чтобы не разлагались на страшной июльской жаре, а на мясо не разбирать, не кормить красноармейцев мертвечиной. Тяжелораненых доставить на кухню, чтобы забить по санитарному правилу и обеспечить батальонам приварок из конины. Пусть верные лошади послужат Красной армии своей плотью в последний раз. А легкораненых лошадей развести по частным хозяйствам в армянские села, стоявшие между рубежами укрепрайона, тем, кто остался дома, не эвакуировался. Но поставить условие: лошади казенные, забивать нельзя, вылечить и по требованию сдать опять в армию. Записать хозяев в книжечку.

Грушевицкий спать не хотел и завел разговор, кажется, сам с собой.

– Что же делать, если лошадь может попасть к неприятелю? С одной стороны, живая душа, и как ее не жалеть? Как можно пристрелить лошадь живую, здоровую, только за то, что ты сам не сумел обеспечить ей отступление? С другой стороны, немец возьмет лошадь, прицепит к ней пушку, вытащит на позицию, начнет стрелять и убьет

советского человека. Выходит, лошадь ты сберег, а человека убил. Но опять, если с третьей стороны, то лошадь, она как человек – пленная. Пленных нельзя использовать в войне. Если немец использует, то его совесть. А нельзя же солдата убить за то, что он может попасть в плен? Солдат живой человек. Война такая штука, сегодня ваш день, завтра наш. Сегодня солдат попал в плен, а завтра сбежал. Или мы отбили. Мы ведь всех пленных отобьем. И лошадей. Ведь было, что мы отбили у немца лошадей, а что за лошади? Наши лошади, прежде захваченные в мирной жизни или от армейских обозов. И снова становятся в наш строй. Лошадям проще, им особый отдел не положен. Правильно, товарищ старший батальонный комиссар?

– Что, Грушевицкий? Хочешь с особым отделом познакомиться?

Комиссар знал, что Грушевицкий пересказывает его собственные мысли, так сказать, систематизирует из обрывков, да еще и пытается подражать речи самого комиссара. Но не как пересмешник, а от почтения и любви. Грушевицкий очень любил Кошкина за понимание важности лошадей и за хозяйственное ко всему отношение.

– Да не. Они подумают, что я собираюсь отступить, а не стоять насмерть.

– Если лошадей нельзя взять с собой в отступление, то следует по возможности раздать остающемуся на временно оккупированных территориях населению.

– Ага, а немец один хер придет и реквизирует.

– Может, да. А может, и нет. Раздачу казенного имущества надо сопровождать агитацией жителей вступать в партизанские отряды или поддерживать партизан. Тогда им и пригодятся лошади. Для организации партизанского движения на временно оставляемых территориях укрывается часть партийного и комсомольского актива.

– Верно, верно. А уж казак или армянин придумают, как спрятать кобылу. Когда она практически своя.

– Не волнуйся. Не пропадут наши кони.

– Эх, главное, чтобы не поубивало. Ведь каждого, каждого жеребенка в колхозах, совхозах, племях хозах растили как дитя, кого и из бутылочки молоком прикармливали, любили, звали по именам, всех, даже колхозных, что говорить о частных лошадях, которые как брат или сестра в доме, а пришла война – и туда сотню, сюда тысячу, здесь утопили, там прикопали, а ведь конь не курица, он за неделю из яйца не вылупится, лошади

Идущий зигзагом противотанковый ров, основное укрепление, после таяния снегов осыпался, скруглился, обвалился, порос лопухами, репейником, сурепкой. А ров работает, только когда он острый, прямоугольный. Он так рассчитан, что танк должен упереться в дно и не мочь выкарабкаться ни туда, ни обратно.

нужно сколько лет, чтобы родиться и вырасти? Почти что как человеку! Да что как человеку, когда и больше! Вот сколько баба ходит человеком беременная? Девять месяцев! А кобыла жеребая сколько?

- Год, если по первой.
- Год! Да. Вы-то знаете, товарищ старший батальонный комиссар. Вы понимаете.
- Все понимают. Потому и раздают. Лошадей, коров, зерно. Давай у же, спи.

При отступлении из области Дона не успевали эвакуировать на восток гурты скота и большие запасы зерна. Было принято решение частично раздать имущество гражданам, которые либо эвакуировались частным порядком, либо оставались жить на временно оккупированной территории.

Думы о лошадях странным образом успокоили и Кошкина, и коновода, оба уснули, каждый лежал на спине и легонько похрапывал.

В Ростовском оборонительном рубеже было два укрепрайона, 158-й и 70-й, каждый со своим командантом. А главным над ними был генерал-майор Платон Васильевич Черняев, заместитель командующего Южным фронтом по укрепрайонам РОР. И еще укрепрайоны подчинялись в оперативном отноше-

нии командованию и штабу 56-й армии. Части армии должны были насытить районы красноармейцами и огневыми средствами, дополнительно к отдельным пулеметно-артиллерийским батальонам УРов. В позиции 158-го УРа залита была 30-я стрелковая дивизия, командование которой приняло оперативное руководство укрепрайоном. А с 70-м получилась какая-то неразбериха. То 339-я стрелковая назначалась на смену морским стрелковым бригадам, а потом была отправлена в резерв, то 31-я стрелковая шла сквозь позиции, да не закрепилась, в общем, к решающей схватке батальоны 70-го УРа остались считай что одни.

Что касается самих укреплений. Их строили полгода назад, осенью 1941-го. Немцы тогда Ростов взяли, но ненадолго, через десять дней немцев выбили и отогнали. Думалось, что укрепления больше не пригодятся. И только в июне 1942-го вспомнили о рубеже. Начали понимать, что придется отступать к Дону, а может, и дальше. Кошкин был с инспекцией укреплений в июле. Работы по восстановлению рубежа велись вяло. Осенью 1941-го была энергия, мобилизовали всех гражданских на рытье противотанковых рвов и эскарпов. Сейчас обтрепались. Многие жители города ушли в армию и в ополчение, органы власти были заняты эвакуацией, редкие трудовые команды помогали саперам оживлять противотанковую оборону. Идущий зигзагом противотанковый ров, основное укрепление, после таяния снегов осыпался, скруглился, обвалился, порос лопухами, репейником, сурепкой. А ров работает, только когда он острый, прямоугольный. Он так рассчитан, что танк должен упереться в дно и не мочь выкарабкаться ни туда, ни обратно. А если подвалить стенку, то танк легко переползет. В блиндажах жили лягушки. Щели, окопы, ходы сообщения, позиции артиллерии – все осыпалось.

Генерал-майор Черняев ходил вдоль окопов и бормотал: траншеи. Траншеи полного профиля, соединенные ходами сообщения для скрытной переброски подразделений к огневым позициям, запасные огневые позиции, три эшелона, без траншей крышка. А Кошкин думал, что траншеи, конечно, хорошо, но еще лучше было бы иметь в оперативном резерве подвижную артиллерию, САУ в количестве десяти, а лучше тридцати стволов. Однако ни траншеи не выкопали, ни самоходки оборонительному рубежу не придали.

А еще не придали ПВО. Только с 30-й СД пришло четыре зенитных пулемета на ЗИСах, да и те ведь в 158-й УР. Все зенитки были у переправ, защищали отходящие войска от ударов с неба. Четвертая

воздушная армия должна была прикрывать и мосты, и укрепрайоны, но, имея к началу операции 130 исправных самолетов, она за июль потеряла 168. В небе над Ростовом красные самолеты терпели поражение за поражением. Если наши истребители и пытались воспрепятствовать штурмовкам «юнкеров», то «мессеры» отгоняли наших высоко и далеко, а штурмовки шли своим чередом.

И вот пришел день.

Солнце встало на востоке за Доном, быстро рассеивая трассерами летних лучей предрассветный туман. На западе из тумана выползла колонна танков 14-й дивизии вермахта. Они шли, сминая проводочные заграждения, на позиции 372-го батальона, прямо по полю, которое значилось в наших картах как заминированное противотанковыми минами. Кошкин стоял на батарее 2-й роты и смотрел в бинокль.

– Чего же они не рвутся? – закричал комиссар.

Стоявший рядом комбат-372 сказал:

– Ночью немецкие саперы сделали проход. Наверное.

– Да какой там к чертям собачьим проход? Они же прут по полю не глядя! Кто ставил мины?

– Саперы ставили. Осенью. Полгода назад.

Комиссар опустил бинокль и сказал безучастно:

– А. Понятно. Идиоты. Мы все. Идиоты.

Советские противотанковые мины 1941–1942 годов ТМБ-2, установленные на Ростовском оборонительном рубеже осенью 1941-го года, имели бумажный корпус. После таяния снегов и нескольких дождей они раскисли, взрывчатое вещество размокло, минами это месиво мокрого картона с аммиачно-селитренной смесью быть перестало. А на наших картах местность продолжала быть «заминированной». Новых мин почти нигде не установили. Немецкие саперы, вероятно, с удивлением узнали ночью, что положенного минного поля перед танковым ровом нет.

Кошкин винил себя. Он всегда винил себя. Почему не разобрался, почему на веру принял карту саперов, почему не проверил минирование? Надо было этим ленивым саперам руки и ноги поотрывать, и картографам чертовым, но прежде всего ему самому надо оторвать яйца за глупость и недогляд. Есть, конечно, комендант, он по картам воюет, штабной стратег, есть комбаты, но у них свои заботы, Кошкин, Кошкин во всем виноват.

Между тем артиллеристы наводили 76-миллиметровые орудия на край противотанкового рва. Ров был яркий, глубокий, отчасти восстановленный, к тому же пристрелянный. Ведь в чем еще прелесть рва?

Говорил Кошкину командир батареи:

– В чем, товарищ старший батальонный комиссар, прелесть противотанкового рва? Сам по себе он, конечно, танки не остановит. Можно взрывом стенку завалить, можно послать инженерный танк, делов на полчаса – и тыфу на тебя, ров. Но пока обрыв не засыпан, танк должен перед ровом остановиться, не может он с ходу хороший ров перепрыгнуть. А если у тебя это место пристреляно, то ты аккуратно изо всех стволов бьешь – и танкам капут.

Так и случилось. Передние танки встали задумчиво перед краем обрыва. И тут все батареи батальона сделали залп. Еще залп. Еще. Танки попятились. Пехота соскочила с брони. Пошли в дело осколочно-фугасные. Три подбитых танка не оставили полуживыми. Добивали так, что с одного следа башня, а два запылали, как факелы, в нечетком еще утреннем свете. Пехота, рассыпанная по полю, оставила здесь и там мертвых своих кузнечиков в серо-зеленых мундирах. Выстрелы огрызающихся танков никуда не попали. Атака была отбита, а потеря в батальоне совсем не было.

«Начало дня куда как хорошее», – подумал Кошкин. Но подумал горько. Потому что понимал все.

70-й УР стоял фронтом на север и на северо-восток в районе Новочеркаска. Слева стоял 158-й УР фронтом строго на запад и на северо-запад в месте стыка позиций. С раннего утра левый фланг РОР пылал огнем, шла артиллерийская перестрелка и штурмовка позиций «юнкерами». Потерпев неудачу на северном рубеже, немцы ударили в стык и прорвали оборону у хутора Несветай. Через прорыв танки стали заходить в тылы 372-му батальону.

1-я рота развернула свои батареи направлением Несветай, 4-я рота прикрыла тыл, а 2-я и 3-я роты продолжали обороняться по фронту и правому флангу. По фронту на танковый ров шли три колонны танков и не меньше двух батальонов пехоты. Но это все ничего. Огневая мощь батальона, стоявшего в укрепленных позициях, могла и не такое перемотать. Восемь орудий 45 мм и восемь орудий 76 мм, особенно последние, способные выбивать танки, 16 минометов, 28 противотанковых ружей, 59 пулеметов. Танков, конечно, было невероятно много. Кошкин насчитал по фронту около 60, еще 20 ползали в тылу и на флангах. Но развернуться в полную силу они не могли, какие-никакие противотанковые укрепления мешали танкам. Мешал противотанковый ров, замедлял атаку, хотя постепенно немцы и обваливали стенки рва, в тылу мешали участки надолбов и сваренных шпал, приходилось обходить,

После штурмовки души убиты, опозорены, а тела не имеют силы стрелять, складывают оружие и уходят в плен с пустыми глазами. Можно ли их судить? Сердце в таком теле мертвое, мозг застыл в параличе, как студень, нет жизни, нет желания, только детство и страх.

маневрировать, останавливаться, подставляя борта под огонь. Батальон долго бы еще продержался. Убивать начали самолеты.

«Юнкерсы» летали 4-самолетными звеньями, три звена составляли эскадрилью, две эскадрильи зависли над позициями 372-го батальона. Двадцать четыре «юнкерса-87». Пикирующий бомбардировщик, «штука», «певун», «лаптежник». Обрушились бомбы. Бомбой трудно попасть в маленькую точку огневой позиции, и «юнкерсы» стали прицельно обстреливать из пулеметов, снижаясь до высоты 100–150 метров. Кошкин, петляя, как заяц, между пулеметными очередями и падающими бомбами, бежал сначала к ПТР, потом к взводу ручных пулеметов и кричал: – Стреляйте, братушки! Стреляйте вверх! По самолетам стреляйте, не прячьтесь!

Не так-то легко убить с воздуха мясное тело человека. Тело спрятано в землю, тело маленькое. Возьми автомат и постарайся убивать ползающих по земле муравьев. Они же враспылную, кто куда. Больше патронов изведешь, чем насекомых поляжет. С неба человек такое же насекомое. Но тонкая душа бывает убита раньше. Налет убивает душу, Кошкин знал. Летит с неба бомба, стреляет пулемет, накрывает тень крыльев, валится хищная птица. Николай Васильевич думал, что, может быть, это древний страх. В древнее время хищная птица охотилась на людских детей. Бывает порой и сейчас горный хищник уносит младенца, хотя, наученный мстостью, скорее, возьмет ягненка, чем человека. Так

же, как человек боится змею, как боится паука, так боится он хищной птицы и пикирующего бомбардировщика. А «певун» еще и включает свою гуделку, страшную, кровь стынет в жилах. Любой человек, даже очень взрослый матерый солдат, чувствует себя ребенком, хочет спрятаться под одеяло земли, теряет волю к жизни и всякую способность к сопротивлению.

После штурмовки души убиты, опозорены, а тела не имеют силы стрелять, складывают оружие и уходят в плен с пустыми глазами. Можно ли их судить? Сердце в таком теле мертвое, мозг застыл в параличе, как студень, нет жизни, нет желания, только детство и страх. Не виноват никто. Такая физиология.

Но есть один способ. Николай Васильевич знал.

Надо стрелять. Человек должен всегда стрелять. Так он сохраняет волю. Если идут мертвецы-вурдаки, которых и серебряная пуля не берет, а у тебя только свинцовая, ты стреляй. Едет танк с броней, от которой отскакивает снаряд, а у тебя в руках пистолет, стреляй. Летит бомбардировщик, ты с автоматом, очередь в зенит теряет убойную силу, чуть поднявшись над землей, мягким горошком стучит по кабине пилота, а ты стреляй, стреляй. Стреляй в свою слабость, стреляй в страх.

На занятиях комиссар говорил, что надо вести заградительный огонь по самолетам даже из стрелкового оружия, потому что такой огонь мешает низкой пикировке и прицельной штурмовке, принуждает сбросить бомбы абы как и уйти, говорил, что немало случаев, когда самолет сбивают стрелковым огнем, читал вслух об этом заметки из «Красной Звезды». На занятиях комиссар говорил, что по танкам надо вести ружейно-пулеметный огонь, чтобы отсечь пехотный десант, а также чтобы не возникло у командира вражеского танка светлой идеи поднять люк и осмотреть поле боя, а в танке у врага видимость почти нулевая, смотрит через узкую щелку. Но сам Кошкин не очень верил в результативность такого огня. По самолетам должна стрелять зенитная пушка, по танкам – 76-миллиметровая как минимум. Но стрелять надо. Главное, для того, чтобы сохранить в себе волю.

Тот, кто стреляет, тот сражается, тот не сдается. Воля к жизни. Воля к победе. Стрелять.

По пятам за Кошкиным петлял от взвода к взводу помощник начальника политотдела Коршак. Кошкин остался у пулеметчиков, а Коршака послал на КП батальона: ты давай там, крепи оборону. И держи связь. Через пару часов боя Коршак вернулся, доложил: два орудия 76 мм разбиты бомбами. В 4-й роте

один орудийный расчет раздавлен прорвавшимися на батарею танками. Но батальон стоит. Подбивает танки, сжигает машины пехоты, расстреливает десант. Позиции соседей слева прорваны, бои идут в тылу рубежа «Г», перед рубежом «А», связи с комендантом УР нет, связи с соседями нет, связи с штабмом-56 нет. В общем, связи на КП батальона нет. Кошкин сказал:

– Давай на КП вернемся оба. Наладим связь со штабами. Нам нужна огневая поддержка армии. И коменданта надо найти.

– Комендант наверняка на тет-де-пон в Новочеркасске.

– Тет-де-пон, ишь ты, – усмехнулся Кошкин.

– Предместное укрепление, – смутившись, перевел Коршак.

– Oui, j'ai compris ce que tu voulais dire, – сказал Кошкин.

Оба политработника засмеялись, обнажая белые крупные зубы, сверкающие за почерневшими от пыли и копоти губами.

– Воды бы.

С водой все было плохо.

Когда Кошкин осматривал будущие позиции, он шел по садам в лощинах. Там уже рассредотачивали лошадей, пускали на длинной привязи. Лошади заинтересованно срывали толстыми губами с нижних веток зеленые яблоки и груши, фыркали довольно, показывая свои лошадиные зубы. Кошкин видел сады. Яблони, груши, мелкий абрикос, слива, всего много, богато, донская земля же, да и тепло. Но все какое-то низкорослое, чахловатое. «Почему?» – думал Николай Васильевич. И вдруг понял, и холодом внутри обожгло. Спросил у Грушевицкого:

– А как тут вода?

– С водой плохо, товарищ старший батальонный комиссар.

– Насколько плохо?

– Мало воды. Тузлов далеко и грязный. Ручьев мало, и грязные опять же. Источников почти нет. Колодцы полусухие.

– Понятно. Потому тут сады низкие, а колхозы бедные. Сухая степь. Только скот пасти, да и то немного, чтобы воду не выпил. И живут одни армяне.

– А что армяне?

– Армяне привычные к сухоте.

– Вы, товарищ старший батальонный комиссар, об армянском народе в дружной семье советских народов говорите так, будто это порода сусликов.

– Отставить!

Кошкин и сам почувствовал, что сказал что-то неправильное, лишнее. Искал возможности что-то хорошее сказать про армян, загладить вину. Но не видел повода. Вместо этого, испытывая еще большее раздражение, стал приказывать коноводу:

– Надо запастись водой. Посылай бочки к Дону. К Аксаю. Сколькo найдешь. Нужно много воды. Чистой, хорошей воды.

Вода была нужна лошадям, пулеметам, кухням, да и просто солдатам и командирам, в июльской жаре не особенно хотелось даже и есть, а вот пить очень хотелось и днем, и ночью.

22 июля 1942 года уже к полудню целостность оборонительного района была нарушена. Кошкин внутри себя огорчился, что продержался район до обидного мало. Но сопротивление продолжалось в разделенных очагах батарей, батальонов, опорных пунктов противотанковой обороны. Бои шли везде. Предполагалось, что с внешней линии обороны, обозначенной как рубеж «Г», части организовано отойдут на внутреннюю линию обороны, обозначенную как рубеж «А». Но получилось так, что батальоны продолжали сражаться на рубеже «Г», а немец уже атаковал и где-то прорвал рубеж «А». Николай Васильевич подумал, что он не может весь день просидеть на позициях одного батальона. Надо было восстанавливать единство действий УР, хотя бы просто самим собой, своими передвижениями восстанавливать.

«Где же, интересно, Грушевицкий?» – вспомнил о коноводе Кошкин с какой-то тоской. Кажется, мысли были вызваны близким присутствием. Бывает так, что приближается к вам человек, и вы начинаете о нем думать, еще не видя. О таком говорят: легок на помине. Грушевицкий образовался на позиции пулеметного взвода как будто из июльского зноя, раскалившего пыль и дым.

– Товарищ старший батальонный комиссар! Насилу нашел вас!

– А чего ты меня искал? – проорал комиссар. – Ты вроде не в адъютантах у меня.

Коновод не нашелся, что ответить, присел в окопе, сжимая автомат.

– Ладно. Лошади есть?

Грушевицкий оживился.

– Пару как раз привел. Там вон, в кустарнике привязал.

– Есть спокойная кобыла?

– Есть, товарищ старший батальонный комиссар! Я помню, что вы не любитель норовистых. Тихая! Под седлом у же.

Побежали вместе в кустарник. Кошкин с оханьем

взгромоздился в седло. Кобыла и правда была покойная, ухом не повела.

- Надо нам, товарищ Грушевицкий, на КП 371-го батальона.
- Понятно. Через Большие Салы не пойдем. Там не понять кто. То ли наши, то ли немцы уже. Пойдем напрямки, без проселка. А Темерник вброд.
- Давай, ты вперед.
- Есть!

Коновод бодро тронул своего коня, кобыла Кошкина пристроилась в хвост, и пошли рысью. 371-й батальон стоял справа от 372-го, занимал рубеж «Г» от Буденного до Камышевахи по южному берегу реки Тузлов. Рванули по тылам 371-го. Вокруг все стреляло со всех сторон. А в небе «юнкерсы». Конь Грушевицкого был какой-то нервный, дергался от взрывов, только силой и умением коновод держал его на нужном пути. А старая кобыла комиссара была хороша, настоящая военная лошадь. Бежала небыстро, зато на самолеты и бомбы внимания не обращала. Может, она была совсем глухая. Скоро добрались.

Комбат-371 Жемарцев присутствовал на КП вместе с военкомом, у которого была смешная фамилия Кукарека. Кучина на КП не нашлось. Старший политрук Кучин был секретарем партбюро батальона и по идеологической части подчинялся Кошкину. Николай Васильевич спросил: «Что Кучин? На огневой позиции?» Жемарцев покачал головой: отправили организовать подвоз боеприпасов. Уже как три часа назад. И ни боеприпасов, ни Кучина. «Может, убило?» – с надеждой спросил комиссар. «Может, и убило», – промолчали все.

- А что же вы без боеприпасов? Не успели доставить? – спросил Кошкин.
- Успели. Больно хорошо расходятся. Как горячие пирожки. Особенно мины для минометов и бронбойные 76-миллиметровые. Или прикажете беречь снаряды? – усмехнулся Жемарцев.

Комбат плохо знал комиссара. Или дразнил? На втором году войны Кошкин никогда не стал бы экономить боеприпасы. Он всегда просил стрелять. Если в стрелковых подразделениях у красноармейцев за боевой день тратилось по пять патронов на винтовку, Кошкин начинал орать на младших командиров: «Чем занимались? Почему так мало стреляли?» Кошкин на политзанятиях говорил: видишь врага – стреляй. Не видишь – все равно стреляй. Заряжай и стреляй в сторону врага. Наша советская пуля умная, она какого-никакого фрица сама себе найдет, ты, главное, ее не держи в патроне, выпусти на волю, на божий свет. «Что же, палить

в белый свет как в копеечку?» – удивлялись бойцы, привыкшие к другим проповедям. «А ты не думай, что ты тут самый умный и самый главный», – отвечал комиссар. – Ты стреляй, создавай плотный огневой заслон. Убиваешь не ты. Врага убивает точное следование боевым уставам и слаженная работа подразделений. Пулеметно-ружейный огонь заставит противника лечь, прекратить движение. А тут самое время засыпать его сверху минами. Мины тоже не нужно жалеть. Ничего не нужно жалеть. Только жизни своих товарищей».

Кошкин не только агитировал, но и разбивался в лепешку, чтобы обеспечить батальоны достаточным количеством боеприпасов. Отчасти и его стараниями УР имел вдоволь снарядов, мин, патронов. Стреляли без перерыва. Отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны были очень хорошо вооружены, огневых средств хватало. Хватало и боеприпасов к ним. Каждый батальон создавал такой плотности огонь, что немцу казалось, воет полк. Немец к этому не привык. Раньше у русских патроны всегда быстро заканчивались. Потом узнали, что в штурме Ростовского оборонительного района принимали участие восемь дивизий вермахта. Три танковых и пять пехотных. Гарнизон района был весом в две дивизии всего. Но артиллерии и пулеметов было много. Тем и стояли. Если бы еще зенитки!

- Где мой Караульник? – спросил Кошкин.

Старший инструктор по пропаганде Караульник был командирован в 371-й батальон от политотдела УР для укрепления духа.

- С бойцами на передовой. Каменный Брод защищает. Там горячо, – ответил военком Кукарека.
- Добро, – довольно кивнул комиссар.

И повернулся к Жемарцеву:

- Мало слышно пулеметов. Дайте заградительный огонь из пулеметов и ПТР по «юнкерсам». Патронов не жалейте. Найдем, доставим.

Кошкин вернулся к коноводу, который прятался с лошадьми под высотой. Погнали в Раковку, где устроен был дополнительный склад. По проселочной дороге, надо было быстро, и надо было все равно понять, что с дорогой, потому что везти боеприпасы пришлось бы по ней. Раковка была в рубеже «А» и занята 9-м батальоном, который еще не вступал в бой. Прискакав к складу, комиссар и коновод увидели, что полным ходом идет эвакуация. Тяжелые деревянные ящики со снарядами, минами, патронами грузили на подводы, подводы вставляли вереницей на дорогу к переправе через Аксай. Кошкин, не слезая с кобылы, растолкал красноармейцев-грузчиков, нашел кого-то, кто распорядился,

неожиданно заправски свесился с седла, схватил пыльный старшину за ворот, закричал:

- Кто приказал? Почему отступаем? Куда бежим? Старшина ммуро огрызнулся:
- Все отступают. На левый берег Дона. Устное распоряжение полковника.
- Какого полковника? Имя и фамилия? Должность? Кошкин соскочил с седла и выхватил пистолет. Старшина, ничуть не испугавшись, поправил гимнастерку и ответил:
- Не представились. Много вас тут, командиров и комиссаров. И каждый револьвером трясет. Промеж собой разберитесь. Наше дело солдатское. Приказы исполнять.

На помощь Кошкину подоспел Грушевицкий с автоматом наперевес. Комиссар огляделся. Эвакуировался не только склад. Дорога была забита. Отступали, кажется, все. Николай Васильевич присмирел.

- Кучин был? Политрук с 371-го?
- Был какой-то политрук. Спрашивал боеприпасы. Я сказал: у нас эвакуация. Он и ушел.
- Куда ушел?
- Тоже, наверное, эвакуироваться. На Большой Лог ушел с отступающими частями.
- Ясно. Найду – расстреляю. Давай, старшина, заворачивай к нам на фронт несколько подвод.

Отправив боеприпасы, Кошкин не стал возвращаться в 371-й. И за Кучиним в Большой Лог не погнался. Успеется. Вместе с коноводом он поскакал на КП 374-го батальона. 374-й батальон стоял справа от 371-го, занимал северо-восточную часть оборонительного района, от Грушевской до Новочеркаска. На КП была связь со штабом УР. Штаб был в Мясниковане у северной окраины Ростова. Кошкин вкратце доложил ситуацию начальнику штаба, узнал о том, что приказа об отступлении для батальонов УР нет. Надо держаться, прикрывая отход 56-й армии. «А город? – спросил Кошкин. – Кто будет оборонять город, если все отступают и даже боеприпасы вывозят на левый берег?» «Третья линия обороны развернута 9-й дивизией НКВД и 222-й народного ополчения», – спокойно ответил начштаба.

Рядом с КП упала авиабомба. Кошкина подбросило, тряхнуло, да и уронило на землю. Немного контузило, но осколками нет, не посекло. Комиссар внезапно стал слаб. Попробовал встать да уйти, но не смог. Кошкина подхватили и унесли в блиндаж, где он в странном полусне провалялся до вечера. Видел отца и мать: отец плыл, широко распахивая руки, через Терек, а мать стояла над обрывом, выглядывая что-то или кого-то на другом берегу. Когда стемнело, Кошкин уже мог ходить. В ночи ба-

талыоны оставили свои позиции и отступали мимо города Ростова к переправам. На понтоне Кошкин встретил Грушевицкого, непривычного в пешем строю и без лошади в поводу. Коновод плакал, рассказывая комиссару о том, как морская бригада прорывалась в тыл под перекрестным огнем немецкой мотопехоты. Прорывалась, поставив слева и справа от себя лошадей, прячась за живыми телами. Лошади все полегли, убитые и раненные, они страшно хрипели и ржали, и до сих пор еще ржут, две сотни лошадей, цепями и горами сваленные на землю огнем пулеметов.

На другом берегу в толпе красноармейцев Кошкин увидел Кучина, растерянного, безумного. Хотел арестовать. Кучин побежал. Когда Кучин отделился от красноармейцев, Кошкин выстрелил два раза и попал в грудь. Кучин упал. Кошкин подошел и увидел, что ртом у Кучина идут розовые пузыри: видать, пробил легкое. Кошкин выстрелил третий раз в голову, и Кучин затих. «Это ничего, – думал Кошкин, – ничего, Кучин, не горюй. Смерти никакой нет. Есть только жизнь в разнообразных ее проявлениях».

После двух переправ старший батальонный комиссар собрал остатки своих батальонов, выслушал донесения выживших политруков и командиров и составил свое политдонесение в штаб армии, где отметил, что при переправах под бомбежкой и огнем неприятеля, в беспорядке и неразберихе было потеряно больше личного состава и боевого имущества, чем за время боев, за тот горячий июльский день, когда 70-й укрепрайон сдерживал атаку нескольких дивизий вермахта, выбивал танки и косил огнем пулеметов вражескую пехоту. Это донесение, написанное приятным ровным почерком на разлинованной школьной бумаге, до сих пор можно увидеть в Подольском военном архиве, в документах 56-й армии; оно не затерто на сгибах, не истлело, только слегка поблекли синие ученические чернила да пожелтел вырванный из тетрадки лист.

